

Лавров К

1986/11
102

26 ФЕВ 1986

Социалистическая ИНДУСТРИЯ

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С КОЛЫШКА...

Самым трудным оказалось с ним встретиться. Я звонил ему спозаранку — его уже увезли на съемки, вопреки всем приличиям пытался дозвониться за полночь — он еще не вернулся из театра или из киностудии. По моим подсчетам, на сон Лаврову оставалось не больше шести часов, и кто знает, отпустили ли его в этом коротком затишье герои, которых он днем играл.

Разговаривать с ним пришлось только урывками. В проходной БДТ, как ленинградцы называют свой Большой драматический театр, или в машине, по дороге на «Ленфильм». Что подделаешь, государственный человек! Однажды у меня возникла странная мысль: а не приходилось ли Кириллу Юрьевичу играть самого себя, ведь среди его героев немало больших людей, государственных, партийных, общественных деятелей, крупных хозяйственников, лауреатов, ученых, даже адмирал один есть в списке его ролей. Ему не надо вживаться в образ депутата Верховного Совета СССР или делегата съезда партии, лауреата Ленинской премии или члена обкома партии, ибо он сам и есть и делегат XXVII съезда партии, и депутат, и лауреат, а до того, как его избрали депутатом, был членом Ленинградского обкома, и в Смольный приходил не по приглашению, а работать. Невольно закралась мысль: а что, если его действительно назначить, допустим, директором? С этого вопроса и начался наш разговор.

Беседа с делегатом
XXVII съезда КПСС

Народный артист СССР
Кирилл ЛАВРОВ

— Думаю, ничего путного из этого не получится. Допустим, я действительно согласился занять реальное директорское кресло. Возможно, что первое время дела будут идти, как и до меня, по инерции. Но чем дальше, тем заметнее будет отставание. Кончится тем, что мне придется уйти. Хорошо, если я это вовремя пойму и добровольно покину ответственное место. Ну, а если мне в чужом кресле придется удобнот? Я же вцеплюсь в него ру-

ками, ногами и зубами. Сколько понадобится времени, чтобы меня, облеченного высокими званиями, от этого кресла оторвать? До сих пор было так, что нужно либо окончательно проворовать, либо вконец развалить дело, чтобы быть уволенным по откровенно сформулированной причине. Да и сейчас мы еще читаем порой в газетах: освобожден в связи с уходом на пенсию, в связи с переходом на другую работу. Люди узнают и справедливо возму-

щаются. При чем здесь пенсия, на какую такую другую работу переведен человек, неспособный организовать дело?

Сегодня в средней школе проходят основы информатики, умеют строить алгоритмы. Я до войны окончил семь классов, потом работал грузчиком, токарем, окончил военное училище, был авиамехаником. Об алгоритмах мнею смутное представление. Смог ли бы я с таким багажом точных знаний толково руководить коллективом современных инженеров и рабочих? Не думаю. Время таких руководителей безвозвратно прошло. Они заслужили самую высокую благодарность, ибо это с их помощью страна дважды поднялась из руин. Но сегодня на нашем дворе — век электроники и АСУ, больших скоростей и быстродействующих процессов. Все это требует от руководителя высоких профессиональных знаний. Плюс организаторские способности. Плюс личные человеческие качества — честность, прямота, душевная чуткость, страстность. Даже, на мой взгляд, такое качество, как обаяние, необходимо хорошему руководителю, хотя, как говорится, с ним детей не крестить.

Я не хочу сказать, что все эти качества легко изобразить на сцене или в кино. Но в жизни-то приходится не изображать, не играть, а выдавать настоящую продукцию, работать.

Я — профессионал в своей области, области искусства. Если мне удастся создать такой образ, который заставляет хотя бы десяток руководителей пристальнее присмотреться к себе, я считаю, что приношу не меньше пользы, чем если бы чудом оказался сносным директором.

— Значит, ветер перемен коснулся и ваших героев?

— Недавно в нашем БДТ прошла премьера новой пьесы молодого рижского драматурга Владлена Дозорцева «Последний посетитель».

Один из ее главных персонажей, человек на достаточно высоком и ответственном посту, в конце спектакля начинает понимать свое, так сказать, неполное соответствие должности. Он находит в себе силы и мужество добровольно уйти. Во всяком случае, так прочитал эту пьесу Георгий Александрович Товстоногов, и так это прослушивается в финале. Мы и в жизни ждем таких финалов, но, увы, пока что мне лично с таким исходом встречаться не приходилось. Видимо, искусство несколько опередило жизнь.

Сейчас я снимаюсь на «Ленфильме» в картине «Красная стрела». Вот кратко ее история. В начале 1984 года на пяти ленинградских предприятиях раз-

вернулся эксперимент по упорядочению и совершенствованию сллаты инженерного и изобретательского труда. Этим заинтересовался ленинградский писатель Эдгар Дубровский. Он добросовестно изучил проблему, но ничего любопытного — для литературного, разумеется, осмысления, в ней не нашел. Однако чутье художника подсказало там ему другую тему. Видно, уже тогда ощущение необходимости перестройки буквально висело в воздухе, ее ждали, на нее надеялись. Так появился сценарий. Дубровский написал его вместе с Александром Ожеговым, журналистом из «Вечернего Ленинграда», досконально знавшим наиболее важные вопросы промышленного производства.

Но фильм — не только и не столько о производстве. Напрасно гадать, какой из ленинградских заводов имеется в нем в виду, что он выпускает и т. п. Я играю в нем главного героя, генерального директора крупного производственного объединения. Это опытный и по-своему мудрый представитель директорского корпуса, некто Кропотов, характер которого сложился примерно в середине семидесятых годов. Трагедия моего директора в том, что он не может понять необходимость коренной перестройки в духе новых требований и в отношении к своему делу. Не может, но и не хочет. Ему кажется, что это временная кампания, в одно прекрасное утро он откроет глаза — и все снова станет по-прежнему. Так и горький пьяница надеется каждый день, что вот-вот выйдет послабление на водку.

Есть в фильме другой директор, молодой, энергичный, знающий, все-то он считает и рассчитывает, умеет правильно использовать человеческий фактор. Предприятия эти слили, и время, естественно, сделало молодого новым генеральным директором.

— Почему вы говорите об этом новом и молодом руководителе с некоторым скептицизмом?

— Это не я так говорю, это авторы. Но я с ними согласен. Мне кажется, что в этом новом, молодом, энергичном наряде с образцовыми деловыми качествами скрыта и некая угроза. Сдается мне, что он слегка запрограммирован на бездуховность, технократический, что ли, стереотип. Академик Сергей Павлович Королев, который был прообразом одного из моих героев, как известно, писал стихи. Я был потрясен поэзией Юрия Владимировича Андропова, которая после его смерти прозвучала по телевидению. Это не мешало им оставаться блестящими организаторами и руководителями и помогало

им воспринимать малейшие движения человеческой души. Я не уверен, что тому, молодому, который из фильма, нужны стихи, музыка, пейзаж, доступны высокие порывы.

— Вы, что же, сочувствуете директору Кропотову?

— Мне жаль его, но сочувствовать я ему не могу. Ведь он не сдает своих позиций, он садится в «Красную стрелу» и едет в Москву, там у него влиятельные друзья, там он знает все входы и выходы, он еще поборется, постойт за себя, еще неизвестно, кто в конце концов останется в директорском кресле. И фильм как раз о том, что старое не сдается без боя, о том, что мы должны быть готовы принять этот бой.

В мае прошлого года, выступая на собрании актива Ленинградской партийной организации, Михаил Сергеевич Горбачев несколько раз настойчиво подчеркивал, что людей надо оценивать по политическим, деловым, моральным качествам, что люди, неспособные обеспечить дисциплину и порядок, не могут занимать руководящие посты, что тот, кто не настроен перестраиваться, должен уйти с дороги, ибо мы не можем ставить интересы одного человека выше интересов общества. Эти замечательные слова находят живой отклик. Под ними подпишется любой работник нашего театра, каждый мой избиратель, и все ленинградцы, и вообще в целом весь народ. Это наше общее и, я бы сказал, боевое настроение. Нам до смерти надоели разболтанность, расхлябанность, безответственность, профессиональная некомпетентность, громкие слова и красивые цифры, не подкрепленные делами.

Но вот я читаю газеты. Строители сдали дом с опущенными недоделками. В общезигии Сестрорецкого инструментального завода имени Воскова нет самой примитивной заботы о рабочих. В 35-м микрорайоне города на Неве в радиусе нескольких километров нет кинотеатров, клубов, стадионов, промтоварных магазинов, парикмахерской, обувной мастерской. По прошествии семи лет вдрог, например, выясняется, что запускаемый в серию мотор на заводе «Микродвигатель» Калининградской области по важнейшим параметрам уступает образцу, освоенному в шестидесятых годах. Так позвольте спросить — это что же, все сенсации, раскопанные дотошными журналистами? Нет. Это, к сожалению, наша повседневность, с которой мы встречаемся на одном и том же месте.

Подумать только, на днях мы запустили в космос уникальную орбитальную станцию «Мир», а служба быта, общепит ос-

таются каким-то неодолимым бедствием! Вот и приходится газетам об одном и том же писать изо дня в день, из месяца в месяц. Теперь прикиньте, каков же эффект этих сигналов печати? «Принять меры», «предложено усилить контроль», «поставить на вид», «объявить выговор». И не так уж часто читаем мы, что такой-то нерадивый хозяйственник освобожден от занимаемой должности.

— Кирилл Юрьевич, не сводим ли мы все неувязки к проблеме кадров? В условиях сложнейшего современного производства, в многогранности и разнообразии социальных процессов могут ведь возникать и объективные причины, тормозящие ускоренное развитие общества.

— На мой взгляд, в условиях планового социалистического хозяйствования такие объективные причины должны быть только одного рода: это — стихийные бедствия. Скажем, глобальный шквал повалил половину труб всех действующих ТЭЦ или полувсемирный потоп залил половину функционирующих шахт. Все остальное необъективно, потому что находится в полной зависимости от конкретного человека — исполнителя.

Представьте симфонический оркестр, исполняющий новую пьесу. И композитор не гений, и аранжировщик не блестящий талантом, и сработавший инструменты мастер далеко не Страдивари, к тому же у первой скрипки не совсем музыкальный слух. Спрашивается: есть ли в данном случае объективные причины, оправдывающие скверную музыку? А теперь представьте рабочего, вбившего колышек чуть-чуть не на том месте, и возникшие от этого последствия. Все начинается с колышка. Потому-то мы так пристрастно и говорим об ответственности за порученное дело каждого человека — от грузчика до министра.

В заключение скажу вот что. Мне было оказано высокое доверие воплотить и в театре, и в кино образ Владимира Ильича Ленина. Я не пытался его повторить, скопировать, понимая, что такая задача непосильна. Я просто старался рассказать о нем, во-первых, исторически достоверно и, во-вторых, показать этим великим образом, как Ленин учил нас жить и работать сегодня, поведать о его отношении к большим государственным проблемам и маленьким будничным делам.

В эти незабываемые дни работы XXVII съезда с новой силой звучит слово партии: сверяйте жизнь по Ленину!

Беседу вел
Э. ЭЛЬШЕВ.